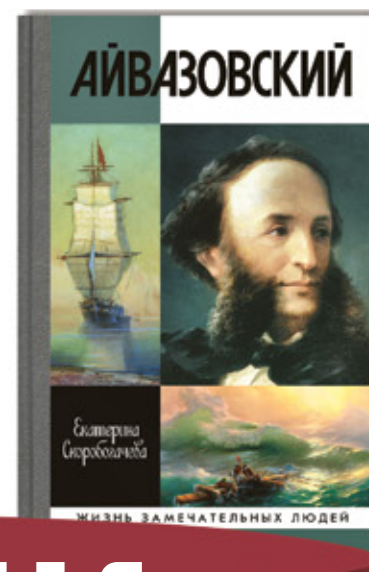
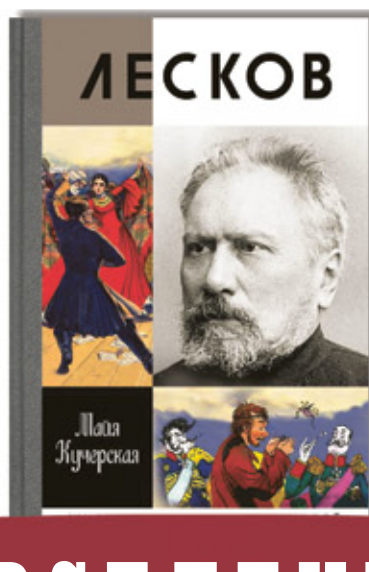
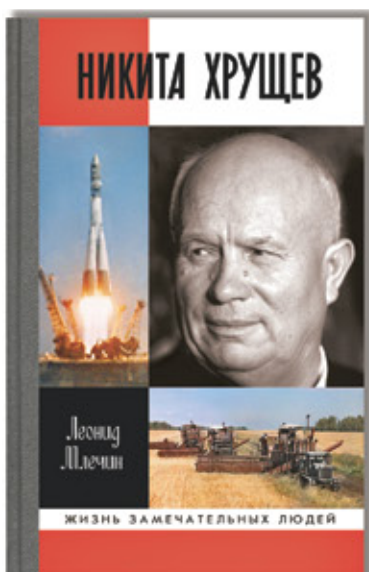

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ДЕКАБРЬ 2021 № 26

ВСЕЛЕННАЯ ЖЗЛ

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО
ЖАНРА

НОВИНКИ «ЖЗЛ»

стр. 3

Алексей Варламов
«РОЗАНОВ»

Валерий Петров
«НЕПОБЕДИМЫЙ»

Ирина Ордынская
«СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ»

Наталья Петрова
«ПИОНЕРЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ»

Борис Романов
«ДАНИИЛ АНДРЕЕВ»

Райнхард Майер
«ЛЕВ КОПЕЛЕВ»

КНИГА-СОБЫТИЕ

стр. 4—5

Перипатетики Эрмитажа: «Хороший тон»
Михаила Пиотровского.

ПАМЯТЬ

стр. 6

25 февраля на 62-м году жизни после тяжелой болезни скончался наш главный редактор Андрей Витальевич Петров.

ВОКРУГ «ЖЗЛ»

стр. 7

Валентин Юркин
«КНИГА И ВРЕМЯ»

Сергей Шаргунов
«САРОВ: ДВА ПОДВИГА»

Анна Делоне, Александр Куланов
«ДРУГОЙ ЗОРГЕ»

Павел Басинский, Екатерина Барбаняга
«СОНЯ, УЙДИ!»

Александр Васькин
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БОЛЬШОГО ТЕАТРА
ОТ ФЕДОРА ШАЛЯПИНА ДО МАЙИ ПЛИСЕЦКОЙ»

Лев Данилкин
«ПАССАЖИР С ДЕТЬМИ: ЮРИЙ ГАГАРИН
ДО И ПОСЛЕ 27 МАРТА 1968 ГОДА»

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

стр. 8

2—6 декабря в Гостином дворе (Ильинка, 4) состоится 23-я Международная ярмарка интеллектуальной литературы Non/fiction.

Надежда МИХАЙЛОВА КНИГА — ТОВАР ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

С началом пандемии книжные магазины стали той сферой отрасли, которая пострадала, быть может, больше всего. Но, увы, отрицательная динамика возникла задолго до коронавируса: количество книжных в стране неуклонно сокращается. Работающая в книжной торговле много лет Надежда Михайлова, генеральный директор сети магазинов «Московский дом книги», заслуженный работник культуры, бьет тревогу: сейчас мы близки к точке невозврата... Обсуждение злободневных проблем мы совместили с беседой о жизненном пути Надежды Ивановны.

— Расскажите о Ваших родителях. Вы из книжной семьи?

— Нет, прямого отношения к книгам мои родители не имели. Я из семьи военнослужащего (в Великую Отечественную отец прошел от Сталинграда до Берлина). А мама была его женой...

— Но книги в доме были?

— Да, конечно! Помню собрания сочинений Майн Рида, Дюма, Беляева... А потом, была ведь система «Военкниги», снабжавшей военные городки. Это незабываемое чувство — когда мне позволяли рыться в книжных полках гарнизонной библиотеки!

— В юности Вы были скорее гуманитарием, чем технарем?

— Да нет, все предметы давались мне одинаково легко. С учебной у меня было всё в порядке, только с поведением не идеально — могла похулиганить.

— Как у Вас возникло желание поступать в Полиграфический институт?

— Листая справочник для поступающих в вузы, я почему-то остановилась на Московском полиграфическом. Сходила на факультет книжной торговли и поняла, что это мое. Конкурс был большой — человек 15 на место. Но тогда был первый год, когда в числе экзаменов появилась математика, которая многих отсеяла. А у меня с ней проблем не было.

— В 1977 году Вы пришли на работу в «Москнигу», которой принадлежал открытый в 1967-м главный книжный магазин Москвы и России на Новом Арбате, тогда проспекте Калинина.

— На работу меня брал директор «Москниги» Сергей Ерофеевич Поливановский. Личность легендарная: он был одним из тех, кто еще в довоенные годы выстраивал книжную торговлю Москвы. «Москнига» была огромным предприятием: шесть тысяч сотрудников, свой профсоюз, своя комсомольская организация (про партийную я уж не говорю), пионерский лагерь, детский сад... Наряду с Ленинградом «Москнига» была составной частью «Союзкниги», в которую также входили 15 книготоргов из всех союзных республик.

Меня определили в бюро пропаганды и рекламы. Нужно было взаимодействовать с газетами, телевидением, радио... Я начинала там как редактор. Потом стала двигаться по системе «Москниги» — в один магазин попала заместителем директора, в другой...

— О тогдашних взаимоотношениях МДК с издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» что-то можете вспомнить?

— Наверное, лично мое знакомство с «Молодой гвардией» произошло благодаря серии «ЖЗЛ» — можно сказать,

серии номер один. Низкий поклон издательству, что «ЖЗЛ» удалось сохранить! «ЖЗЛ» словно привносит в наше общество стабильность.

— Отдаю, что в магазинах МДК книги «ЖЗЛ» представлены очень достойно.

— Мне кажется, любой человек, который подойдет к нашим стеллажам «ЖЗЛ», найдет там для себя что-то интересное. Я вот недавно взяла почитать биографии Колчака и Айн Рэнд, сборник «Московские коллекционеры».

— Первым директором МДК была Тамара Владимировна Вишнякова. Читатели со стажем могут помнить ее по телепередаче «Что? Где? Когда?»: в конце 1970-х — начале 1980-х она представляла там книги, которые вручались знатокам в качестве приза. Тамара Владимировна, дама уже в летах, выглядела предельно серьезной и даже скованной. Ведущий Владимир Ворошилов однажды пошутил, что в ближайшей музыкальной паузе пригласит ее на танец. На что она ответила: «Нет, вы знаете, я предпочту кого-нибудь помоложе». В зале сплошь молодежь — все от души рассмеялись...

— Во многом именно от Тамары Владимировны (за почти 55-летнюю историю МДК Н. Михайлова, кстати, всего третий его директор. — С. К.) я и переняла безмер-

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой всё особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.

Е. Евтушенко

Продолжение читайте на стр. 2

Надежда МИХАЙЛОВА

Продолжение.
Начало читайте на стр. 1

ное уважение к книге. Тамара Владимировна была для нас непререкаемым авторитетом. Она жила в эпоху, когда книга воспринималась как неотъемлемая часть жизни общества. В стране была выстроенная, прекрасно отлаженная система книгораспространения во главе с Госкомиздатом СССР. Другое дело — всё ли ладно было с ассортиментом? Но сказать, что всё было плохо, ни в коем случае нельзя. В 1990-е вся структура была разрушена, и доступность книги резко упала. Если раньше книгу можно было достать в любом селе, то сегодня — сами понимаете...

Давайте посмотрим на развитые страны Запада, на Китай — у них крайне уважительное отношение к книге осталось. В Европе книжные магазины частные, однако государственная политика направлена на их поддержание. В Китае — в основном государственные, но есть и частные, а также смешанного типа.

— А в России книжные магазины — частная сфера?

— В основном да, но мы-то как раз являемся исключением: МДК — наверное, последняя государственная структура.

— До 1992 года, когда «Москнигу» упразднили, в ее состав входили 215 магазинов. К 1998 году, когда была создана сеть МДК, уцелели 34. Часть магазинов была закрыта в 2015-м. Недавно, ввиду коронавирусного кризиса, Вам пришлось закрыть еще 7. 250 сотрудников были сокращены... К западным стандартам близок у нас только Петербург (там концентрация книжных еще достаточно велика), а даже в Москве, в спальных районах, книжные исчезают, что уж говорить про провинцию. Надежда Ивановна, что же делать?

— Задача сохранения книжных магазинов — не задача отдельных лиц. Это не должно быть только болью и коммерческими проблемами тех людей, которые занимаются продажей книг. Если государство проявит заинтересованность в том, чтобы книжные магазины существовали, чтобы у людей была возможность покупать книги и таким образом находиться в культурном пространстве, тогда мы изменим ситуацию на лучшую сторону.

Недавно я вернулась из Франкфурта. Обошла местные магазины, в первую очередь *Hugendubel*. Посетителей — в разы больше, чем у нас. Открыть новый книжный там — в приоритете: в Германии, как и во многих странах мира, книга воспринимается как товар первой необходимости.

— Эти семь магазинов МДК были закрыты потому, что стали нерентабельными?

— Ни для кого не секрет, что книжные магазины — это низкорентабельный бизнес. И он зависит не только от того, какие у нас книги и как мы их выставляем, а от общего культурного и образовательного уровня граждан. Кроме того, не надо забывать, что книги, которые издаются в стране, одинаковы для всех книжных магазинов. Плюс-минус сто тысяч наименований книг — это тот ассортимент, которым располагают все книжные.

— То есть речь о дефиците?

— Нет, но если мы говорим, что книга — это только коммерция, во главу угла всегда будет ставиться прибыль. А как быть с книгами социально направленными? А как быть с людьми определенных профессий, которые малочисленны? Это и есть те процессы, которые должны регулироваться обществом.

Я часто привожу пример: возьмем классическую литературу: то, в каком количестве мы ее продаем, не окупит те метры полок, которые она занимает. У торговой единицы два основных показателя: норма прибыли, маржа, и товарооборотиваемость. Получается, мы не должны выставлять русскую классику, которая у большинства в личных библиотеках и так имеется. Эта литература издавалась чаще всего раньше, издается и сейчас. Если от родителей у вас сохранилась библиотека, вы вряд ли пойдете покупать современные издания Пушкина, Толстого, Чехова. Так применим ли здесь показатель прибыли с квадратного метра?

— Правильно ли я понимаю, что от государства мы ждем, во-первых, конкретных рыночных механизмов, которые помогли бы книжным магазинам, а во-вторых, глобально: воспитания в обществе уважения и любви к книге?

— У нас перед глазами много стран, в которых книжные магазины успешно существуют. А мы почему-то действуем по принципу: сегодня нашей экономике не до этого, подумаем об этом завтра. Стыдно! После расформирования Госкомиздата три главных звена — издательства, полиграфия, книжная торговля — оказались разорванными. А это — основа нашей отрасли.

КНИГА — ТОВАР ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

С народным художником России Сергеем Андриякой

Мы убеждены, что книга — явление особое. Нельзя рассматривать ее исключительно как товар. На библиотечной полке книга — атрибут культуры. Иначе не было бы такого социального института, как библиотека, не выделялись бы деньги на комплектование ее фондов. Так почему же книга на полке книжного магазина — только коммерция? Давайте тогда разведем продажу машин и их аренду... Приобретая книгу, человек получает не только нечто материальное, но интеллектуальное, духовное. Он будет перечитывать ее через годы — и воспринимать написанное совсем иначе. Анализировать мир и себя в нем. Будет развиваться.

— Если бы Вам поручили исправить ситуацию с книжными магазинами и отечественной книжной отраслью вообще — чтобы Вы сделали?

— Прежде всего в государстве должна быть программа, которая зафиксировала бы важность книги. Нужен системный подход.

Для меня бесспорно, что книжные магазины — часть культурного пространства. Да, не все книги, которые мы размещаем на наших полках, посвящены культуре. Да, по уровню своему некоторые из них не дотягивают. Но когда вопрошают, почему, мол, вы продаете какую-то ерунду, хочется ответить: ну, извините, в театрах тоже не всегда хорошие вещи ставятся. Есть постановки, на которые я никогда в жизни больше не пойду... Если общество начинает сомневаться в том, является ли книга частью культурно-образовательного пространства, то с обществом беда.

В наши ныне закрытые магазины в спальных районах приходили три с половиной миллиона человек в год (у нас везде счетчики, и мы это точно знаем). И эти три с половиной миллиона — никуда не добавились. То есть всех этих людей лишили книги. И они заместили ее чем-то другим.

— Ждем ли мы, например, налоговых послаблений?

— Хотелось бы. В общем объеме экономики книга занимает такой маленький процент, что отмена НДС на книги никакого урона государству не нанесет.

— Наверняка Вы не раз бывали в лучших книжных магазинах мира — Европа, Штаты, Юго-Восточная Азия. Чем они отличаются от наших книжных?

— Да ничем, просто в каждом книжном магазине — маленьком ли, большом — формируется своя атмосфера.

Мы стремимся к тому, чтобы каждый человек мог легко найти интересующую его книгу. Плюс пространство должно быть выстроено таким образом, чтобы уходил человек с желанием прийти снова. В рамках проекта «Книго-мания» у нас и встречи, и презентации, и выступления Музыкально-драматического театра *Ante*. «Московские посиделки» устраивает Любовь Казарновская. В рамках музыкально-поэтических вечеров выступают Виктория Макарская, Ольга Кабо, Нина Шацкая, Мария Третьякова... Насколько я знаю, подобный книжный магазин-театр есть еще в Буэнос-Айресе.

Я объездила чуть ли не весь Китай, миллион раз была в Лондоне. Магазин на Пикадилли знаю, наверное, не хуже, чем многие лондонцы. Потому что когда мы перестраивали цен-

тральный магазин МДК, в качестве ориентира мы брали именно магазин на Пикадилли.

— В МДК на Новом Арбате выступали многие классики русской литературы XX века: Валентин Распутин, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский... Какая из такого рода встреч запомнилась Вам больше всего?

— Евтушенко был одним из последних — кто долго прожил и кто приходил. Вспоминаю Фазиль Искандер, Андрей Битов. Глубину общения с такими людьми осознаешь только по прошествии времени. Становится понятен их масштаб. Неизгладимое впечатление оставил о себе, кстати, Евгений Максимович Примаков — это был удивительный человек.

— Кто еще из известных личностей гостил у Вас в последнее время?

— Недавно приезжал Юрий Рост — мы брали у него интервью, а потом просто сидели, общались в неформальной обстановке. У книжного магазина много проблем, порой хочется плюнуть на всё. А после таких встреч возникает совсем иное желание — бороться до последнего вздоха.

Любая фотография здесь (*оглядывает увешанный ими свой кабинет — С. К.*) — это особое воспоминание. Люди предстают здесь не такими, как на публике. Часто хочется включить диктофон — и записывать их речи. Помню, Валентин Гафт после презентации пришел ко мне сюда и еще два часа читал свои стихи. Достаю диктофон было неудобно — и было так жаль, что слышу это только я и что я ни с кем не смогу этим поделиться!

Или Игорь Николаев: изначально — по разу, сложившемуся на телеэкранах, — он был одним человеком, а в реальности оказался совсем другим. Он сказал: «Если бы мой отец (*был поэтом и журналистом, членом Союза писателей СССР — С. К.*) узнал, что я выступаю в самом значимом книжном магазине страны, он бы меня зауважал».

— Разумеется, постоянно гостят в МДК лучшие писатели современности. Кто из активно работающих ныне авторов Вам интересен?

— На этот вопрос я никогда не отвечаю, потому что чтение книг для меня процесс сугубо личный. И все авторы, все писатели, которые к нам приходят, мне одинаково дороги — вне зависимости от моих литературных предпочтений. Помню первую презентацию Эдуарда Лимонова. Доводилось слышать: «Да как ты можешь пускать его на свою площадку?!» Да и организовать это было не просто — нам приходилось брать дополнительную охрану. Были разного рода провокации... Но моя позиция в том, что книжный магазин должен быть в этом отношении нейтральным — и предоставлять возможность выступить всем.

— Это очень любопытно — какие книги читает директор одного из крупнейших книжных магазинов страны, где концентрируются лучшие новинки всех издательств. Вы ли определяете в конечном счете, какими книгами будет комплектоваться МДК?

— Нет. Выбором книг у нас занимается маркетинговая служба. Иногда я могу задать вопрос: почему в магазине нет той или иной книги? Мол, она должна у нас быть! Вообще же мы стараемся брать практически всё.

— А как это бывает — Вы идете по МДК, заметили какую-то книгу, она Вас заинтересовала?..

— Да, бывает и так. Но часто узнаю о книгах в разговорах с друзьями, знакомыми. Недавно была презентация Дмитрия Диброва, после нее мы с ним беседовали, и он постоянно упоминал Курта Воннегута. Я не выдержала, взяла почитать. И Боже мой! Читала ведь, когда училась в институте, но сейчас увидела это новыми глазами. Мне очень понравилось! То, что в 1960-е он описывал как фантастику, ныне стало почти реальностью.

С одним знакомым заговорила я о Платонове. Причем затронули мы не самые популярные его вещи — «Ювенильное море», «Котлован», «Чевенгур», а рассказы. В итоге я залезла в свою домашнюю библиотеку — сейчас читаю...

— Когда стоишь во главе такого замечательного книжного царства, как МДК, усомниться в ценности раскинувшихся вокруг сокровищ невозможно. А что бы Вы сказали скептикам — тем, кто считает, что в век высоких технологий классическая бумажная книга не очень-то и нужна, что на смену ей идут книги электронные?

— Мне кажется, этот вопрос характерен только для нашего общества. А в Европе, по-моему, он не стоит. Когда где-то за рубежом я захожу в книжные магазины, душа моя поет: как много там людей! Никуда печатная книга не денется! Это лишь в российской печальной действительности ей грозит сужение до минимума. Но у государства еще остается возможность спасти положение. Считаю, что общество обязано предоставлять право выбора: читать ли электронную книгу или в традиционном бумажном формате.

— Ну а Вы как объяснили бы — в чем всё-таки разница: читать обычную книгу или текст на экране гаджета?

— Я могу лишь сослаться на ученых, которые утверждают, что печатный формат полезнее со многих точек зрения — правильности понимания прочитанного, запоминания, системности мышления. Мозг работает активнее и продуктивнее.

— Какие главные задачи стоят сейчас перед возглавляемой Вами Ассоциацией книгораспространителей независимых государств?

— Задача одна: выжить бы! Вообще, когда я высказываюсь по каким-то глобальным общественным проблемам, в первую очередь я говорю от имени Ассоциации. Я транслирую консолидированное мнение — мое и моих коллег. Все мы стремимся к тому, чтобы кардинально изменить то отношение, которое сложилось в обществе к книгам и книжным магазинам.

— Насколько объем рынка русской литературы в Беларуси, Армении, Казахстане?

— Русскоязычное население в этих странах есть и будет, и потребность в русской книге не исчезнет. Недавно после одной из конференций мы общались с нашими армянскими коллегами. Они очень заинтересованы в российских книгах, хотя поставлять свои книги нам. Взаимопроникновение культур необходимо. Досадно при этом, что в той же Армении книги на английском становятся более популярными, чем книги на русском.

— Как под крылом МДК появилось такое прекрасное издание, как журнал «Читаем вместе»? Знаю, что это была Ваша идея.

— Замысел такого журнала-навигатора в мире книг родился еще в начале 2000-х. Претворить его в жизнь удалось в 2006-м. Принципиальная позиция журнала: говорить о книгах вообще, без привязки к МДК. Мне кажется, журнал весьма объективен: нам удается освещать наиболее интересные книги разных жанров.

— Насколько близки к книге Ваши дети и внуки?

— Разные были периоды, когда мои дочери читали больше или меньше... Но все трое моих внуков книги обожают, и именно с этим я связываю многие их успехи.

— Вы приучали их к традиционной бумажной книге?

— Да, с самого их рождения в доме были книги. Им читали, потом они стали читать сами. Мои старшие внуки живут сейчас не в России, но считают русский язык родным. Интересно, что, прочитав какую-то книгу на иностранном, они просят меня, чтобы я привезла ее на русском. Поэтому в недавнюю мою поездку во Франкфурт пришлось тащить с собой стопку книг. (*Улыбается*)

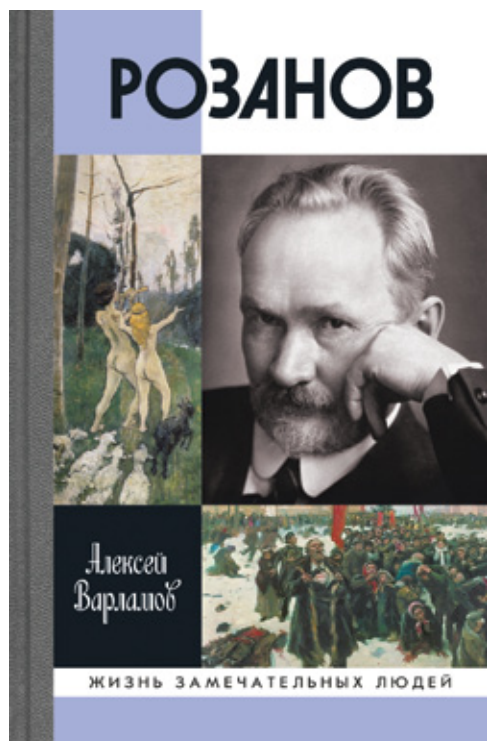
— А дочери Ваши к книжной сфере отношения не имеют?

— Нет, я пыталась втянуть их (и одну, и вторую; третья еще учится в институте), но не получилось. Династии не вышло. Но любовь к книге храним, и это самое главное.

Сергей Коростелев

Полную версию интервью читайте на нашем сайте — gvardiya.ru

«РАДОСТЬ — СТРАДАНИЕ ОДНО»

О Василии Васильевиче Розанове (1856—1919) написано огромное количество книг, статей, исследований, диссертаций, но при этом он остается самым загадочным, самым спорным персонажем Серебряного века. Консерватор, декадент, патриот, христородец, государственный, анархист, клерикал, эротоман, монархист, юдофоб, влюбленный во всё еврейское, раскованный журналист, философ пола, вольный пленник собственных впечатлений, он прожил необыкновенно трудную, страстную и яркую жизнь. Сделавшись одним из самых известных русских писателей своего времени, он с презрением относился к литературной славе, а в конце жизни стал свидетелем краха и российской государственности, и собственной семьи. История Розанова — это история счастья и несчастья, того, что Блок называл непреложным законом сердца: «радость — страдание одно».

Автор книги писатель Алексей Варламов не уклоняется от острых и трудных вопросов биографии своего героя и предлагает читателю вместе с ним искать ответы на них.

ГРОЗНЫЕ «ИЗДЕЛИЯ» ВПК

Сергей Павлович Непобедимый (1921—2014) — один из плеяды легендарных советских конструкторов, которые в условиях строгой секретности десятилетиями ковали оборонный щит нашей страны. Пройдя на Коломенском КБ машиностроения трудовой путь от инженера до генерального конструктора, он руководил созданием многих видов ракетной техники, до сих пор состоящих на вооружении Российской армии. Только в последние годы его имя стало известно широкой общественности и было золотыми буквами вписано в историю российской «оборонки». Так, в августе 2021 года указом Президента России 448-й ракетной бригаде, оснащенной оперативно-тактическим ракетным комплексом «Искандер-М», было присвоено почетное наименование «имени С. П. Непобедимого».

Книга Валерия Петрова — первая биография Непобедимого, правдиво и полно рассказывающая о его жизни и работе, о грозных «изделиях» военно-промышленного комплекса, созданных под его руководством.

СТРАСТОТЕРПЦЫ ДОМА РОМАНОВЫХ

Император Николай II Александрович (1868—1918), императрица Александра Федоровна (1872—1918), великие княжны Ольга Николаевна (1895—1918), Татьяна Николаевна (1897—1918), Мария Николаевна (1899—1918), Анастасия Николаевна (1901—1918), наследник цесаревич Алексей Николаевич (1904—1918)...

Долгое время последняя Царская семья Дома Романовых, основой которой стали любовь и глубокая привязанность Августейших супругов, подвергалась циничной критике как со стороны «просвещенного общества», так и ближайших родственников. После революции члены Царской семьи не рассматривались в качестве реальных людей, был создан образ, построенный на идеологических клише. Эта книга — попытка восстановить справедливость, очистить от наслоений реальные образы членов Царской семьи, отринуть горы лжи. Если убрать все политические споры и идеологические мифы и всмотреться в Царскую семью как в реальных людей, увидеть в них личности, то в результате можно изменить и само отношение к недавней истории России.

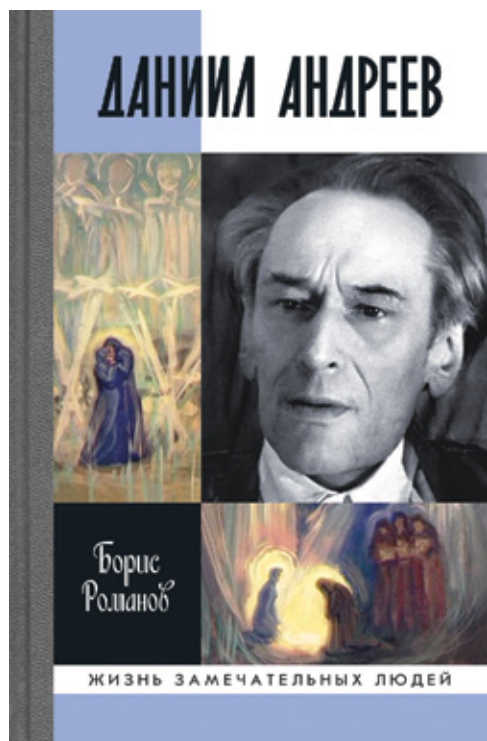
НАШИ ЛЮДИ НА КРАЮ СВЕТА

В 2021 году исполнилось 280 лет с той поры, когда русская экспедиция под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова положила начало освоению Аляски — Русской Америки. В этой книге представлено шесть биографических очерков о тех, кто оставил значительный след в истории этого региона: «Росского Колумба» Григория Шелихова, первого правителя русских колоний Александра Баранова, основателя поселения Росс в Калифорнии Ивана Кускова, автора проекта присоединения Калифорнии к России Дмитрия Завалишина, «апостола Аляски и Сибири» святителя Иннокентия (Вениаминова), исследователя и путешественника Лаврентия Загоскина. Разные причины и обстоятельства привели их на край света, но всех их можно смело называть подвижниками и созидателями Русской Америки.

Увы, в марте 1867 года правительство решило уступить эту территорию США за 7,2 миллиона долларов. Основными мотивами называли экономический — нерентабельность содержания колоний — и политический — желание подружиться со Штатами...

ВЕСТНИК ДРУГОГО ДНЯ

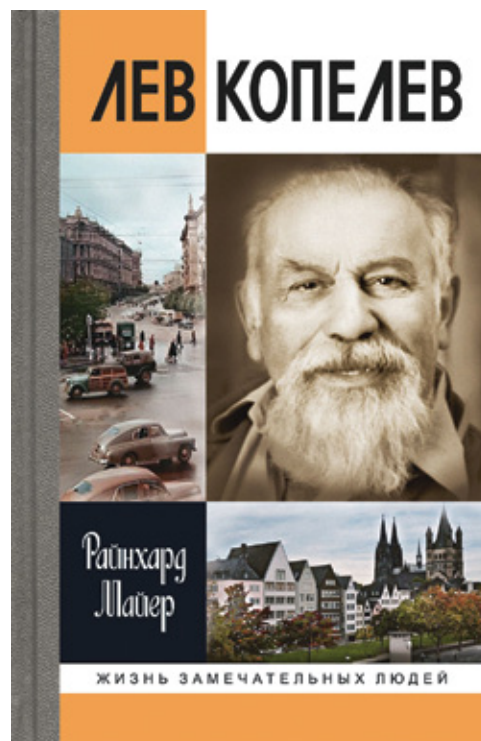

Судьба Даниила Леонидовича Андреева (1906—1959) — поэта и мыслителя, сына выдающегося русского писателя Леонида Андреева, вместила все трагические события отечественной истории первой половины XX века. В историю он вошел, прежде всего, как автор «Розы Мира» — религиозно-философского произведения, в котором записал свои мистические озарения во Владимирской тюрьме.

Книга, изданная к 115-летию со дня рождения Даниила Андреева, основана на архиве поэта и его вдовы, воспоминаниях друзей и современников, письмах, протоколах допросов и других документальных источниках и воссоздает подробности его биографии, рассказывает об истоках его мироощущения, неотрывного от традиций русской и мировой культуры.

Борис Романов — поэт, историк литературы, автор многих публикаций о русской религиозной поэзии, составитель и комментатор ряда антологий и изданий русской и зарубежной классики — занимается изучением жизни и творчества Даниила Андреева, публикацией его наследия с конца 1980-х годов.

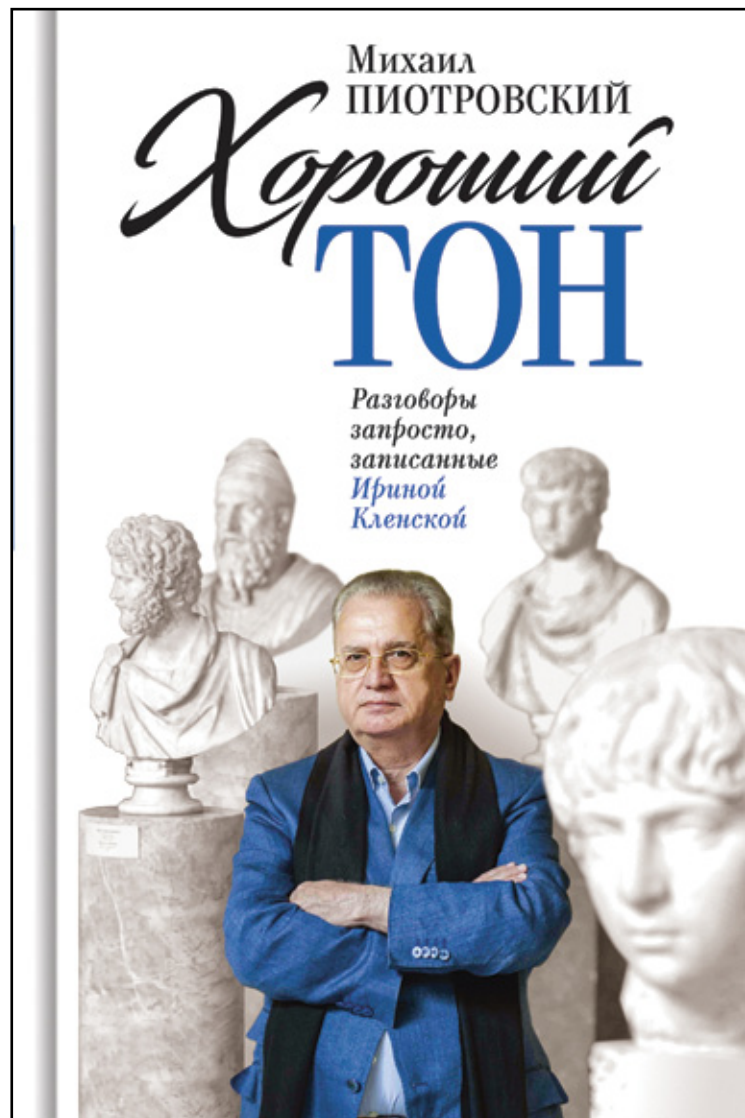
НА СТОРОНЕ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Герой этой книги, Лев Зиновьевич Копелев (1912—1997), — фигура выдающаяся во всех отношениях. Крупный ученый, филолог-германист, он оставил заметный след в истории двух стран — России и Германии. У нас его знают не столько как ученого, сколько как борца с тоталитарным режимом, диссидента (хотя сам он этого слова не любил и так себя не называл). О трудном жизненном пути Льва Копелева, о превращении идейного комсомольца, верного ленинца (в годы войны был преподавателем антифашистской школы на 2-м Белорусском фронте) в борца с режимом рассказывает швейцарский журналист Райнхард Майер (Meier), лично знавший Копелева и по встречах в Москве, до его вынужденной эмиграции в Германию, и после того, как он осел в этой стране, ставшей его второй родиной. Большое внимание уделено взаимоотношениям Копелева и Солженицына — сначала близких друзей, союзников по знаменитой «марфинской шарашке» (Копелев был прототипом Льва Рубина в романе «В круге первом»), а затем непримиримых противников.

ПЕРИПАТЕТИКИ

В эфире радио «Орфей» в течение нескольких лет звучала авторская программа журналиста, писателя и ведущей Ирины Семеновны Кленской «Хороший тон. Прогулки по Эрмитажу» — о великих сокровищах и людях, которые их берегут. И, конечно же, программа включала беседы с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Пиотровским — о жизни, о смыслах, об искусстве, об истории и памяти. Однажды появилась дерзкая мысль превратить радиопрограмму в книгу. Михаил Борисович подумал и сказал: «Почему нет? Давайте рискнем!»

Хороший тон: Разговоры запросто, записанные Ириной Кленской / Михаил Пиотровский. — М.: Молодая гвардия, 2022. — 409[7] с.: ил.

Вечер первый. ИСЛАМ

Вечер второй. ИМЕНА

Вечер третий. ВОЙНА

Вечер четвертый. ПРОГУЛКИ ПО ЭРМИТАЖУ

Вечер пятый. ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ

Спокойствие и уверенность беспокойный Орбели (директор Эрмитажа в 1934—1951 годах. — ред.) считал самым важным в военной жизни Эрмитажа: сохранить всё и сохранить самим. 22 июня, воскресенье, обычный рабочий день для Эрмита-

жа (выходной — понедельник). Все вышли на работу, как всегда. В 12 часов — выступление Вячеслава Молотова, наркома иностранных дел:

«Граждане и граждане!»

Сегодня в 4 утра без разъяснения каких-либо претензий к Советско-

му Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности... Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Орбели отпустил сотрудников домой собрать вещи, осмотреться, привыкнуть к новой реальности, побыть с родными. На следующее утро все сотрудники вернулись в музей — началась подготовка к эвакуации сокровищ. <...>

Всё было готово: тысячи ящиков в отличном состоянии, а самое главное — было точно известно, какие из них к какому эрмитажному подвезу подвозить. На каждом ящике — определенные маркировочные знаки: ОВ — Отдел Востока, ОК — Особая кладовая, ОИПК — Отдел истории первобытной культуры.

«Всё, что могло понадобиться для эвакуации, было заготовлено заранее, задолго до войны, — вспоминала Милица Матье, известнейший и авторитетнейший египтолог. — Помню, у меня в кабинете чуть ли не два года стояли в углу несколько длинных струганных палок. Я сама не верила, что придет время, когда мы намотаем на эти палки ткани коптского Египта — отправим их на Урал и сохраним».

Да, Эрмитаж был готов к эвакуации, но есть загадка: кто разрешил, кто дал приказ, кто позволил, как это могло произойти? Орбели — человек, конечно, большого мужества, — вёл себя героически. Вы представляете, что такое готовиться к эвакуации величайших ценностей, сокровищ страны, когда каждое слово о войне расценивалось как разжигание паники? Была установка — не паниковать. И если что — с паникерами, так называемыми, расправлялись жестоко. С другой стороны, не могло быть и не было ничего без приказов, когда дело касалось предметов государственной важности. Ситуация шекотливая: с одной стороны, утверждалось — войны не будет, а с другой — нужно готовиться, всё может быть (будьте готовы на всякий случай). Говорили, что Молотов откровенничал: «Мы знали, что придется отступать,

только не знали — до Москвы или до Урала».

Все работали круглые сутки. Ящики, в которые нужно было упаковывать эрмитажные шедевры, стояли на полу, и людям приходилось всё время наклоняться. На перерыв и отдых не было времени. Многие не выдерживали — падали в обморок, у некоторых горлом и носом шла кровь. Слабели, выбивались из сил... Можно было чуть-чуть прикорннуть, но через несколько минут какой-то внутренний толчок заставлял вставать и снова приниматься за работу. Орбели установил строжайшую дисциплину: малейшее нарушение — выговор, увольнение. Первый приказ по Государственному Эрмитажу от 22 июня 1941 года № 168:

«1. Выходной день 23 июня отменяется.

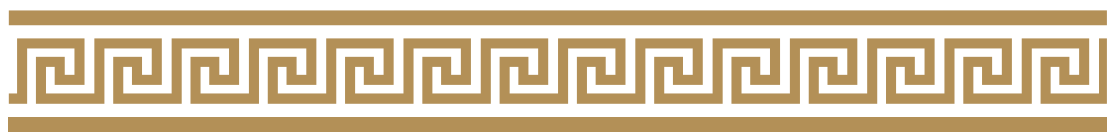
2. Указания о выходных днях для научного состава рабочих и служащих будут даны дополнительно».

«Работали с утра до позднего вечера. Ноги гудят. Снимаем картины со стен, обычного чувства трепета нет перед шедеврами, хотя «Даная» заворачивали нарочно помедленнее. По залам всюду бегают Орбели, во всё вникает, всем помогает, подбадривает. Пустой Эрмитаж похож на дом, из которого вынесли покойника».

«Однажды во время минутной остановки на верхней площадке великолепной лестницы, — вспоминает сотрудник музея Владислав Глинка, — мы с одним коллегой наблюдали, как по тесовому настилу, на котором была разостлана ковра-вая дорожка, мерно плыл огромный ящик без крышки. Из ящика смотрело на нас улыбающееся лицо гудоновского Вольтера. Ящик был обхвачен канатом, и человек двадцать крепких моряков ловко несли его. Рядом стоял сотрудник Отдела Востока А. Я. Борисов, он тихо сказал:

ЭРМИТАЖА

Михаил Борисович ПИОТРОВСКИЙ:

— Мне всегда был симпатичен образ философов-перипатетиков, которые обсуждали глубокие проблемы, прогуливаясь. Я пробовал так организовывать свои занятия с аспирантами, а когда радио «Орфей» предложило программу «прогулок», я прочувствовал что-то знакомое и согласился. Потом, правда, стал сомневаться, когда рядом с непринужденным разговором об Эрмитаже вдруг появились «философские» вопросы о смысле жизни, совести... Однако в беседах с Ириной Кленской это оказалось не так уж страшно и даже интересно.

Устная речь положена теперь на бумагу, и порой она кажется мне слишком непринужденной, особенно когда разговор идет о научных проблемах. Впрочем — таков жанр. Хорошая наука и должна быть легкой и увлека-

тельной, но основанной на большом труде и долгих размышлениях. Проницательный слушатель и читатель это, я надеюсь, ощущает. Рассуждения переплелись с моей личной историей, соединенной с историей музея, с которым я связан всю жизнь, с памятью о многих поколениях людей, там работавших, о многолетнем общении с экспонатами и с живым ощущением тех грандиозных событий, в которых Эрмитаж был не просто свидетелем, но и участником. Русская революция и Блокада Ленинграда!!!

Залы Эрмитажа — прекрасные галереи и аллеи, удобные для умных прогулок и непринужденных бесед. В этом одна из черт, делающих его великим культурным явлением, большим, чем просто грандиозный энциклопедический музей.

Родился в 1944 году в Ереване. Генеральный директор Государственного Эрмитажа, историк-востоковед, доктор исторических наук, действительный член Российской академии художеств (РАХ) и Российской академии наук (РАН), профессор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Известный исследователь истории Аравии и ислама, автор более 300 научных работ, декан Восточного факультета СПбГУ. Среди его работ книги «Предание о химйаритском царе Асаде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее средневековье», «Коранические сказания», «Исторические предания Корана», «О мусульманском искусстве», «Исламское искусство в России».

Находясь на посту директора Эрмитажа с 1992 года, задумал и осуществил программу развития «Большой Эрмитаж», закрепившую глобальную роль музея, основанную на обеспечении доступности коллекций и традиций Эрмитажа через комплекс открытых хранилищ, центров-спутников и понимании музея как общественного форума. Опубликовал серию книг об Эрмитаже, среди которых «Мой Эрмитаж», «Для музеев нет табу», «От скифов до Кифера»; ведущий более 300 авторских телевизионных программ о музее; учредитель и заведующий кафедрой музейного дела в СПбГУ; инициатор создания Союза музеев России и его президент.

Член президиума Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, председатель Попечительского совета Европейского университета в Санкт-Петербурге, почетный гражданин Санкт-Петербурга, президент Всемирного клуба петербуржцев, лауреат Государственной премии и Премии Президента Российской Федерации. Награжден многими отечественными и иностранными орденами, избран иностранным членом Академии надписей и изящной словесности Института Франции, Американской академии наук и искусств, Академии наук Армении. В честь отца и сына — Бориса Борисовича и Михаила Пиотровских — названа одна из малых планет.

Подробнее о жизни и деятельности М. Б. Пиотровского — в книге Е. С. Яковлевой, вышедшей в серии «ЖЗЛ: Биография продолжается...».

воска, детали соединил шарнирами. Для парика использовал собственные волосы Петра — во время жары летом 1722 года его постригли. Глаза были написаны на золотых пластинах по финифти живописцем Андреем Овсовым. Фигуру одели в камзол с серебряными узорами и вышитым орденным Андреем Первозванного — наряд, в котором Петр короновал свою жену Екатерину I. На боку у Петра — кортик с эфесом из китайского аспиды, а в левую руку вложен лист печатный полтавской баталии. Выставили Персону в Кунсткамере, в кабинете Петра Великого. Прошло время, и Петр обосновался в Эрмитаже. «Иногда, — говорили знающие, — статуя встает и бродит по ночному дворцу».

Эвакуировали Персону с почтением: ее раздели, бережно отделили руки, ноги, голову, все восковые части упаковали в отдельный специальный ящик и проложили мягкой тканью. Великое счастье музейных работников — в неслабом прикосновении к прекрасным творениям прошлого, возможности остаться с ним наедине, всматриваться в их лица, пытаться понять, почувствовать их тайны.

Сохранились документы, хроника событий и дел:

«22 июня — перенос 40 картин под своды Особой кладовой. Шесть суток — на подготовку 500 тысяч единиц хранения для первого эшелона. 30 июня 1941 года — литературный эшелон — 22 вагона отправятся в Свердловск. 422 ящика с 700 тысячами единиц хранения отправили во втором эшелоне — 23 вагона».

«Эрмитаж закрыт. В залах вместо посетителей выстраиваются ящики разных размеров. Картины начинают исчезать со стен, очищаются подвальные помещения — там устраивается бомбоубежище. Часть помещений будет использована для хранения коллекций. День простоя пасмурный, шел дождь, погода не летняя, настроение не светлое», — писала в дневнике научный сотрудник Эрмитажа Мария Коноплева 23 июня 1941 года. Орбели вспоминал: «Все принимали участие в упаковке, на еду и отдых тратили минимум времени — не более часа в сутки. Люди берегли каждую минуту, все

мы спешили. Спать и отдыхать измученных людей приходилось отпирать особым приказом: всем нам Эрмитаж — дороже сил и здоровья».

30 июня 1941 года из Ленинграда ушел первый состав с сокровищами, а 20 июля отправлен второй эше-

дели плывущую сумку. Один боец опустился в воду (его поддержали товарищи) и достал сумку. Как я была благодарна! В сумке были документы, деньги. Всё обошлось благополучно. Скоро мы тронулись в путь», — вспоминала Глафира Балашова.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Искусство — одно из сильных лекарств, проверенных временем.

Культура — исторический и генетический код нации.

Музей — сундук с сокровищами. Это хранилище памяти, которое защищает цивилизацию.

Эрмитаж — это вся мировая культура в русской оболочке, это — энциклопедия мировой культуры, написанная по-русски.

Терпение — это красиво: гордое смиренное терпение перед разными превратностями судьбы. Красивый человек тот, кто стойко и достойно переносит невзгоды жизни, несправедливости. Красиво — важное понятие. Красота — нечто соразмерное, соответствующее порядку мира, созданного Богом.

«Немцы уже бомбят московскую дорогу, и у старика есть реальные шансы никуда не доехать». Старик насмешливо смотрел на нас: я всё еще люблю жизнь, эту нелепую слабость; жизнь — это то, что люди получают, не выражая благодарности, пользуются без раздумья, передают другим в беспамятстве и теряют, сами того не замечая».

Ночью сняли «Мадонну Литту», осторожно сворачивали — плакали.

Восковая персона... С ней нужно было обращаться с большой осторожностью и почтением — она многое и многих видела.

В феврале 1725 года Растрелли получил повеление императрицы сделать по снятым следам восковую фигуру Петра Великого, чтобы сохранить его подлинный облик. В XVIII веке персоны «яко живые» были очень популярны, и мастеров-художников, умевших их достойно воплотить, ценили высоко. Карло Бартоломео Растрелли был именно таким мастером «в деле портретов из воску, которые похожи на живых». Он еще при жизни Петра сделал его маску — «запечатлел лицо» — и в скорбные для империи дни приступил к работе. Туловище, ноги и руки сделал из дерева, кисти рук, голову и ступни — из подкрашенного

лон. Невероятно, но мы справились. Эвакуировали примерно миллион двести тысяч самых ценных экспонатов. От товарной станции Ленинград-Октябрьская литерный эшелон отошел на рассвете 1 июля без традиционного паровозного гудка. Дело в том, что с 27 июня гудки, паровозные и заводские, разрешалось подавать только для оповещения жителей о воздушной тревоге. Утром в день отъезда уезжающие с детьми и вещами пришли в Эрмитаж. «Шла я в Эрмитаж с двумя детьми — дочерью трех лет и сыном десяти лет. Со мной был огромный скарб. Когда накануне я спросила Орбели, что можно взять с собой, он ответил: «Можно взять столько, сколько сможешь». Подойдя к Гранитной набережной, я остановилась передохнуть, и в этот момент сумка выпала из рук в Неву! Я только вскрикнула — «Ох!» — как отдыхающие на парапете бойцы уви-

Как ехали — страшно вспомнить. Запомнили дети: «В вагоне были двухъярусные нары. На рассвете началась воздушная тревога, мы увидели далеко на горизонте вражеские самолеты. Было страшно, ехали долго — две недели, часто стояли на полустанках и разъездах, иногда просто в чистом поле. Погода была хорошая. Точное место нашего прибытия было засекречено, но мы знали, что едем на Урал. Когда спрашивали взрослых, они отвечали: едем туда, где утонул Чапаев». Все сведения были строго засекречены. Сотрудникам запрещалось даже упоминать о характере их работы. Никто не должен был знать, даже машинисты эшелонов не имели понятия, какой они везут груз. Составы охраняли очень тщательно — секретное сопровождение, а на платформах стояли зенитные орудия.

Доставили всё в полном порядке.

ДОМ ПЕТРОВА

Были дружны наши матери. Мы жили с ним на одной улице и ходили в одну школу.

Потом Петровы переехали в городок по соседству, побольше и поближе к Москве, но их дом, Дом Петровых, остался в нашем понятии символом, ориентиром, чем-то близким, своим. У нас продолжали говорить: «Нет, это подальше дома Петровых... Дом Петрова прой- дешь, там уже близко...»

Изредка они приезжали к нам в гости. Устраивались чинные застолья с чаепитием на белой скатерти. Мы с Андреем играли в футбол. Или обсуждали матчи «Торпедо». Или хвастались — кто больше книжек прочитал... Давно это было.

Потом мы как-то быстренько выросли, и Андрей поступил в институт, куда и я — вот совпадение — год спустя наострил лыжи. Во-первых, он очень хвалил исторический факультет МГПИ. Во-вторых, будил во мне спортивный азарт — он, значит, поступил, а я что — хуже?! Ну а в-третьих, давал верные тактические советы по грядущим экзаменам, нужным и не очень книжкам, манерам держаться и, кажется, даже внешнему виду.

Помню его в черном свитере и черных джинсах... Концерт — посвящение в первокурсники. Он пел на стихи Есенина, Анненского, Филатова и на свои стихи тоже. Девушки наши млели.

Андрей выделялся. Высокий, стройный, с поэтически бледным лицом, элегантный, улыбчивый... Шапка черных волос. Гитара, стихи, беломорина...

Он и на футбольном поле оставался интересным и уважительным. Если забивал, то красиво, в девяточку, а проигрывал с достоинством и подножек не ставил. Не ругал тех, кто играл плохо. Я вообще не помню, чтобы он кого-то ругал, обижал, строил.

Шли от него тепло, радушие, обаяние. Он даже и на картошке, в полях, сохранял элегантность. Вот он у грузовика, прикуривает, отвернувшись от ветра — в старенькой телогрейке и в... шляпе.

Сближали нас очень книги. Он и здесь был на виду и при деле. Весь книжный мир Москвы знал, показал и провел по нему не раз и не два, объясняя сложные его тайны, секретикки, пароли и шифры. Делал это с явным удовольствием, например, под пальмешки в узком «пенальчике» Камергерского переулка.

И я не удивился, а обрадовался, когда узнал, что после учительских наших лет он оказался именно в книжном издательстве, да в каком — в «Молодой гвардии». Он и должен был там оказаться — среди истории, литературы и милых ему книг, среди людей пишущих и редактирующих.

Он любил дарить молодогвардейские книги. Вот только поговорить по душам с Андреем мне удавалось всё реже и реже. И мои многолетние визиты на Сушевку были непродолжительными. Телефон в его кабинете звонил не переставая... Открывалась дверь:

— Андрей Витальевич, извините, но...

— Андрей Витальевич, тут такое дело...

— Андрей Витальевич, вы просили напомнить...

Я не обижался. Я пил предложенный остывающий кофе в одиночестве, оглядывая его большущий кабинет и лишний раз убеждался — Андрей Витальевич на своем месте. Я видел — «Молодая гвардия» теперь и есть дом Петрова.

...Однажды разобрал семейный архив и обнаружил старое фото — зима, снег, а он совсем совсем маленький, в шубке, в шарфе, с мамой, у нас на подмосковном участке... Принес ему фотографию, подарил. Он посмотрел на фото, вздохнул как-то невесело и спросил:

— Как там наше «Торпедо»? Живет?

Павел Васильев

ВО ГЛАВЕ КАПРИЗНЫХ «ПЛУТАРХОВ»

Большой, веселый человек, с густыми черными волосами, черной растрепанной бородой, кустистыми бровями, хищным, как у птицы, носом и необыкновенно живыми, хитрыми глазами. Леший какой-то! Таким я впервые увидел Андрея Петрова двадцать лет назад в издательстве «Молодая гвардия» и так началось наше счастливое знакомство, которое в каком-то смысле сделало мою судьбу.

Однако для истории литературы гораздо важнее, что Петров сделал для серии «ЖЗЛ». Он вернул слову «замечательный» его изначальное значение — заметный, выдающийся, сыгравший огромную роль, а вовсе не кандидат на доску почета. Он невероятно расширил круг героев, потому что понял: «ЖЗЛ» — это исто-

ДИРИЖЕР «ЖЗЛ»

25 февраля на 62-м году жизни после тяжелой болезни скончался наш главный редактор Андрей Витальевич Петров.

Он родился 22 марта 1959 года в Лобне Московской области, окончил исторический факультет Московского государственного педагогического института. Работая учителем истории и с обществоведения в московской средней школе № 874, Андрей Петров начал сотрудничать с «Молодой гвардией» внештатно — отредактировал ряд важных книг. В 1989-м он пополнил редакцию историко-патриотической литературы и изданий по истории ВЛКСМ. Через несколько лет стал заведующим редакцией серии «ЖЗЛ», а в 1996 году был назначен главным редактором издательства.

В непростых для книгоиздания условиях А. В. Петров сумел обеспечить «Молодой гвардии» новый подъем, сделать ее центром внимания читающей публики. С его поистине легкой руки у «Молодой гвардии» появилось множество новых серий («Живая история: Повседневная жизнь человечества», «Близкое прошлое», библиотека лирической поэзии «Золотой жираф», «Проза века», «Россия и мир»), новых авторов, новых друзей. Он признавался лучшим главным редактором года на всероссийском конкурсе «Человек книги», был награжден многочисленными медалями и знаками отличия федеральных органов и общественных организаций. В 2007 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Все мы знали и ценили его выдающиеся личные качества — ум, талант, обаяние, широту взглядов. Вместе с ним ушла целая эпоха — но мы всегда будем помнить того, кто сделал ее возможной.

рии России в лицах. Подлинная, надпартийная, в которой есть место всем: красным и белым, почвенникам и либералам, консерваторам и модернистам, технарям и гуманитариям, полководцам и поэтам, царям и простолудинам, мудрецам и авантюристам. Собрать вместе и их самих, и их капризных «плутархов» было делом немыслимой сложности, особенно учитывая нашу традиционную нетерпимость к любому мнению, отличному от своего. Андрею Витальевичу удалось дирижировать этим нестройным хором, да еще как! Историк по образованию, он принимал историю такой, какой она была, и не пытался задним числом ее подправить. Он искал новых авторов, договаривался, соблазнял, искушал, подкупал, рисковал — кто только ни перебивал в его кабинете, сколькоких безумцев он оттадил, а сколькоких привлек.

Мой случай был, наверное, одним из самых показательных. Я сделал вместе с ним семь книг от Пришвина до Шукшина, и в этом была его огромная заслуга. Он умел создать в редакции такую атмосферу, что туда хотелось, здорово было приходить и поддерживать эту связь. За эти семь книг я ни разу не сталкивался даже с намеком на какую-то цензуру, идеологическую редактуру, вкусовщину — и это абсолютное доверие к автору подкупало. Плюс он был отличный сосед, гостеприимный хозяин, разговаривали ли мы в его кабинете или на стендах «Молодой гвардии» от московской книжной ярмарки до Парижской или Франкфуртской, и это потрясающее обаяние останется со мною навсегда.

С годами он почти не менялся. Такой же высокий, худощавый, лохматый, остроумный. Он живо на всё реагировал, смеялся, шутил, угощал и уговаривал меня писать Розанова. Я тогда уже работал на полную катушку в Литинституте и понимал, что на «ЖЗЛ» ни времени моего, ни ресурсов не хватит.

— Вот когда меня уволят, — тянул я бесконечную песнь, — тогда первым делом к вам...

— Нет, что вы, что вы, Алексей, не надо, чтобы вас увольняли, — пугался он.

Договорились мы предварительно во Владивостоке на втором фестивале «Литература Тихоокеанской России». Сидели в кабачке на Светланской, где собралась одна молодежь. Она слушали какого-то рэпера, а мы говорили про Розанова, про его судьбу, Аполлинарию Сулову, Достоевского, Леонтьева, Страхова... Он знал о Розанове явно больше, чем я в тот момент, ибо был человеком, что называется, энциклопедических знаний. Никогда не навязывая своего отношения, не подталкивая, не направляя, но — обещая быть внимательным читателем, которого не проведешь.

В итоге я подписал договор, но специально не стал брать аванса, чтобы никого не обманывать. Однако человек предполагает, а пандемия подарила мне время и уединение.

Я очень хорошо помню наш разговор с ним в апреле прошлого года. Тогда всё только начиналось, я сидел в холодном домике под Рузой, топил печь, уходил бродить по окрестным лесам и вдоль Москвы-реки, настроение было какое-то раздрыганное, делать ничего не хотелось, и я позвонил Петрову. Мы уже перешли тогда на «ты».

— Ну, что, Андрей, писать мне Розанова?

— Пиши. Пиши обязательно.

И он так это сказал, что я, сам не понимая как, втянулся в эту работу. И, когда писал, думал о нем, представлял его своим читателем и собеседником.

Известие о его болезни было как обухом по голове. Жизнерадостный, открытый, щедрый человек, он совсем не вязался ни с какими диагнозами. В ту пору он часто переписывался с Валентином Яковлевичем Курбатовым, с ко-

торым дружил много лет, но в эти последние месяцы их дружба стала особенной близкой, сокровенной. По сути, Курбатов остался, пожалуй, единственным из его друзей, с которым они говорили о самом важном и самом последнем. Они и умерли с разницей в несколько дней, и вспоминаю я их обоих с благодарностью и любовью...

Алексей Варламов

«И УМНО, И КРАСНОРЕЧИВО»

С Андреем Витальевичем Петровым я познакомилась в Государственном музее А. С. Пушкина, где служу уже больше полувека. В квартире Пушкина на Арбате была презентация изданной «Молодой гвардией» биографии Н. Н. Пушкиной, написанной В. П. Старком. Высокий, красивый, элегантный Петров выступал и умно, и красноречиво. Я тем более оценила его красноречие потому, что накануне предупредила: я задам Вам провокационный вопрос — как обосновано включение в серию «ЖЗЛ», где печатались биографии Льва Толстого и Достоевского, Марата и Робеспьера, Екатерины II, Резерфорда, книги о Наталье Николаевне Пушкиной? Петров ответил просто и по существу: Наталья Николаевна была избранницей великого поэта, и уже это делает ее замечательной, уже это побуждает нас узнать о ней как можно больше.

Потом мы пили чай. Вдруг моя коллега Екатерина Всеволодовна Павлова сказала: «Андрей Витальевич! Закажите Наталье Ивановне книгу о Василии Львовиче Пушкине». «С удовольствием!» Сама я никогда не решилась бы выступить с таким предложением. Договор со мной был подписан 27 апреля, в день рождения В. Л. Пушкина (для меня это было важно). В 2012-м книга вышла. В 2013-м на Старой Басманной мы открыли Дом-музей В. Л. Пушкина. Издание книги для нового музея поэта так называемого второго ряда было очень важным: я видела в ней своего рода охранную грамоту — ведь если Василий Львович причислен к замечательным людям, то кто посмеет когда-либо закрыть его музей?

Спустя некоторое время Андрей Витальевич предложил мне написать книгу о Баркове. Я отказалась: во-первых — я дама, а во-вторых, писать книгу о поэте и не цитировать его нельзя. А цитировать Баркова, снискавшего скандальную славу поэта-порнографа, действительно нельзя. Четыре года Андрей Витальевич терпеливо ждал моего согласия...

Как же я благодарна Петрову! Для меня, пушкиниста, это было увлекательное путешествие в XVIII век, в эпоху дворцовых переворотов, в быт Петербурга, в литературный мир Ломоносова и Сумарокова. Андрей Витальевич принял мое условие: я сказала, что чернухи и порнухи не будет. Конечно, я написала и о стихах Баркова в честь Вакха и Афродиты, но главным была трагическая судьба Баркова, блестящего латиниста, переводчика Горация и Федра, ученика Ломоносова, остроумного участника литературной полемики.

Когда в 2019 году книга вышла из печати, я, захватив с собой бутылку водки, банку соленых огурцов и буханку черного хлеба, поехала в издательство, чтобы отметить это событие. Меня встретил Петров с коллегами — на столе уже стояла водка, на тарелке лежала селедка — одним словом, всё было, как у Баркова. Во время славного застолья родилась мысль написать биографию Ивана Петровича Белкина, вымышленного автора пушкинских повестей.

Андрей Витальевич занимал очень важное место в моей жизни. Он относился к числу немногих людей, которых искренне интересовало мое творчество. Встречи с ним всегда вдохновляли — после них «стоило жить и работать стоило». Кроме того, Петров умел радоваться чужим успехам: редкая черта. Поэт, он был тонким ценителем поэзии. Увлекался изобразительным искусством, дружил с замечательным книжным графиком Юрием Ивановым.

Нет необходимости говорить о том, что издательство «Молодая гвардия» потеряло высокого профессионала, руководителя, чутко воспринимавшего и вечные ценности, и веления нынешнего времени. Скажу только, что для меня безвременный уход Андрея Витальевича — потеря невосполнимая. Остается разве что утешаться стихами Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим спутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Наталья Михайлова

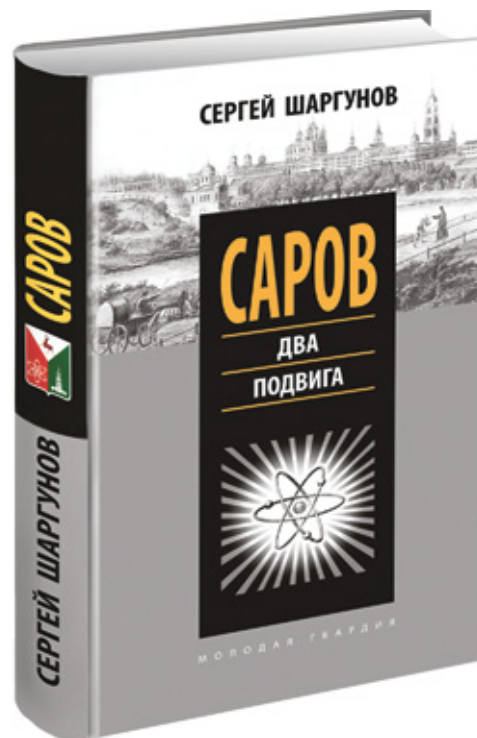
ВАЛЕНТИН ЮРКИН: ГЛАЗАМИ ИЗДАТЕЛЯ

Беззаветно преданный книге, работающий в сфере книгоиздания уже несколько десятков лет, генеральный директор АО «Молодая гвардия» Валентин Федорович Юркин поставил перед собой сложную, амбициозную задачу: проследив историю возникновения, становления и развития мировой и отечественной книги, разобраться в самом феномене книжной культуры, чтения. Разумеется, большое внимание уделено опыту «Молодой гвардии» — старейшего из ныне существующих издательств нашей страны, которому в 2022 году исполняется 100 лет.

Какое место уготовано книге в чрезвычайно противоречивом, насыщенном информацией XXI веке? Как взаимодействуют книга печатная, электронная и интернет? С какого возраста следует приобщать к чтению детей? И насколько велико влияние чтения на нашу мозговую активность? Пытаясь ответить на эти и многие другие вопросы, автор, кажется, вплотную подбирается к извечной загадке книги, которая будоражит умы на протяжении всей истории цивилизации.

ДАР ПРОЗРЕВАТЬ ТАЙНОЕ

Главным героем своей новой книги известный писатель Сергей Шаргунов сделал Саров, «уникальное место, где непостижимым образом сплелись судьбы святых и ученых». Он показывает, как в истории этого небольшого города в Нижегородской области соединилось, казалось бы, несоединимое — вера и наука, молитвенный подвиг и упорный труд по созданию ядерного щита. Саров для автора — слепок всей России, где из века в век, несмотря на испытания, живет творческий дух народа.

«Подвиги бывают разные. Для кого-то это смертельный бой. Кто-то молится, а если надо занимает место павшего в строю. Кто-то бодрствует, не в силах оторваться от грандиозного замысла, который пойдет во благо стране и преградит путь неприятелю. Но каждый достойный человек осмысливает свое предназначение... Что роднит труд ученого с духовным поиском монаха, священника, святого — это способность уловить колебание далеких струн, услышать голос какого-то невидимого помощника, настроить сердце на мироздание. Дар прозревать тайное».

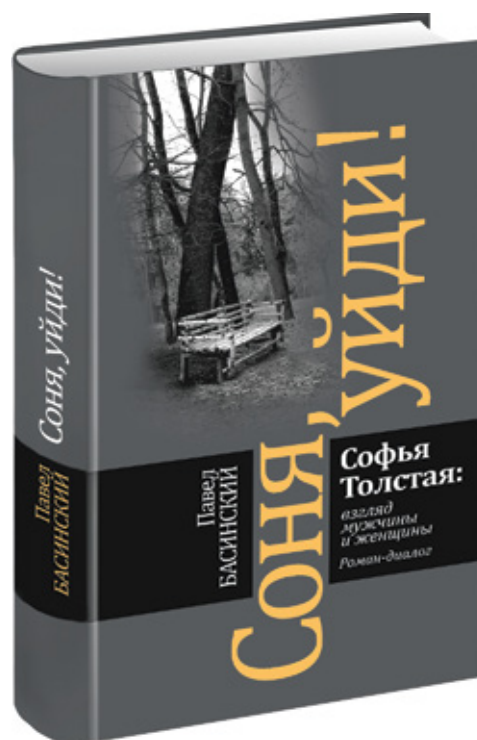
РАЗВЕДЧИКИ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

Эта книга японоведа Анны Делоне и лауреата премии Министерства обороны России за биографию Рихарда Зорге историка Александра Куланова написана на основе воспоминаний «японской жены» знаменитого разведчика. Исии Ханако прожила с ним шесть лет и узнала «Рамзая» таким, каким его не знал никто: добрым, нежным возлюбленным, глубоким интеллектуалом, бесстрашным бойцом и великим актером, годами водившим за нос японскую контрразведку. Это рассказ об удивительной жизни и самой Исии Ханако — бедной девушки из провинции, силой своей любви сохранившей для нас память о Зорге и его прах.

«Зорге тихо лежал в кабинете на кровати, приложив руки ко лбу. Я подошла и присела рядом. Зорге молча плакал. Я была поражена. Я и представить не могла, что такой сильный мужчина, как Зорге, может плакать. Он весь съезжился, уткнулся лицом в мои колени, протянул руку, взял меня за руку, попросил обхватить его за голову. Я смотрела на него, не зная, что делать. Зорге сжался, словно ребенок на руках у матери».

СОФЬЯ ТОЛСТАЯ: РОМАН-ДИАЛОГ

Супруга Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна (1844—1919) еще при жизни мужа стала не менее легендарной личностью, чем он сам. О ней писали газеты, ее снимал пионер русского кинематографа Александр Дранков, ее образ был запечатлен в первых художественных фильмах о жизни «великого Льва». И сегодня ее фигура привлекает биографов, кинематографистов и театральных деятелей. Она прожила с Толстым почти полвека, родила тринадцать детей, была его верной подругой и литературной помощницей. Но именно из-за конфликта с женой в 1910 году Толстой бежал из Ясной Поляны. Писатель и журналист, лауреат премии «Большая книга» Павел Басинский решил написать книгу о Софье Толстой в необычном формате — онлайн-диалогов с поэтом и прозаиком из Санкт-Петербурга Екатериной Барбангой. Два взгляда — мужчины и женщины. Две точки зрения на судьбу великой жены великого писателя.

В Приложении публикуются малоизвестные тексты С. А. Толстой и очерки о ней Власа Дорошевича и Максима Горького.

ОТ ШАЛЯПИНА ДО ПЛИСЕЦКОЙ

Новая книга Александра Василькина посвящена главному театру нашей страны — Большому — и охватывает более чем столетие, начиная с эпохи Федора Шаляпина (1873—1938). Как попадали в театр и как из него уходили, как репетировали и ставили спектакли, как работали и отдыхали в квартирах и на дачах, чем болели и лечились, сколько зарабатывали и куда тратили, как выезжали на гастроли... Жизнь знаменитых певцов и артистов балета, известных дирижеров и музыкантов, главных режиссеров и художников, простых суфлеров и гримеров и даже зрителей из партера, царской ложи и галерки — всё переплелось в этой необычной книге. А еще читатели узнают, кто такие «моржи», «сырихи» и «первачи», что означает «протырка», «кидон» и «щетина сцены», кто такие Вишня и Невыносионов и как космические ракеты «бороздили» Большой театр. Издание продолжает тему, начатую Василькиным в прежних его книгах серии «Живая история: Повседневная жизнь человечества», — о Москве времен Хрущева и Брежнева и советской богеме..

ПОЛЕТЫ «КРАСНОГО ИКАРА»

Опросы показывают, что Юрий Гагарин — главный герой отечественной истории XX века. Эта книга Льва Данилкина — попытка «окончательной», закрывающей все лакуны биографии «красного Икара». Интервью с очевидцами и ревизия российских и иностранных источников помогли автору ответить на базовые вопросы. Является ли Гагарин всего лишь воплощением советского дизайна — или он в самом деле был обладателем неких уникальных качеств? Что на самом деле произошло 12 апреля 1961 года? Как первый космонавт справлялся с «гагариноманией» — статусом самого знаменитого человека планеты? Что такое Гагарин: продукт строя и эпохи — или ее зеркало и оправдание? Существовал ли конфликт между ним и политическим руководством СССР? Какова подлинная причина его гибели? Был ли его успех всего лишь везением, результатом осознанного жизнестроительства — или осуществлением некоего высшего замысла? Что было бы с Гагариным и СССР — не погибни «первый гражданин Вселенной» в марте 1968-го и доживи до наших дней?

Non / fiction № 23

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЯРМАРКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

2–6 декабря, Гостиный двор (Ильинка, 4)

НАШИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

2 декабря (четверг)

- 13:00—13:45** авторский зал — В. Ф. Юркин «Книга и время. Судьба и проблемы книги глазами издателя»
16:00—16:45 литературное кафе — А. В. Колесников, Б. Д. Минаев «Егор Гайдар: Человек не отсюда»

3 декабря (пятница)

- 14:00—14:45** зона презентаций № 2 — М. Б. Пиотровский «Хороший тон: Разговоры запросто, записанные Ириной Кленской»
18:15—19:00 авторский зал — Л. М. Млечин «Никита Хрущев»

5 декабря (воскресенье)

- 17:15—18:00** авторский зал — А. Н. Варламов «Розанов»

Не более пяти минут от метро. «Охотный Ряд»: выход № 7 — к Музею Отечественной войны 1812 г. «Театральная»: выход № 10 — к Музею Отечественной войны 1812 г. «Площадь Революции»: выход № 11 — к Богоявленскому переулку. «Китай-Город»: выход № 8 — к Славянской площади.

Вход для посетителей — со стороны Ильинки через подъезды №№ 4 и 5. Для мало-мобильных посетителей — через подъезд № 4. Автомобилисты могут воспользоваться услугами ближайших платных парковок.

Ношение средств индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респираторы) и рук (перчатки) в течение всего периода пребывания в Гостином дворе строго обязательно!

Электронные билеты продаются на сайте выставки.

Разовый — 300 рублей.

Фотография предоставлена пресс-службой ярмарки Non/fiction

На пять посещений — 800 рублей. Один человек может посещать ярмарку ежедневно в течение пяти дней; пять человек могут пройти одновременно (каждый — по одному разу); возможны любые другие комбинации в пределах цифры 5.

Льготный — 150 рублей. Дети от 7 до 18 лет (включительно). Военнослужащие срочной службы (проходящие военную службу по призыву). Пенсионеры. Инвалиды 3-й группы. Студенты очной формы обучения образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Все новинки «Молодой гвардии» по издательским ценам — на нашем стенде В-7. Ждем вас!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

АВГУСТ 2020 — НОЯБРЬ 2021

Алексей Ботян / Александр Бондаренко. — ЖЗЛ — 311[9] с.: ил. — Вып. 1856.

Сергей Жаров / Дмитрий Кузнецов, Андрей Дьяконов. — ЖЗЛ — 319[1] с.: ил. — Вып. 1857.

София, уйди! Софья Толстая: взгляд мужчины и женщины. Роман-диалог / Павел Басинский. — 415[1] с.: ил. — Вып. 1866.

Олег Ефремов: Человек-театр. Роман-диалог / Елена Черникова. — ЖЗЛ — 491[5] с.: ил. — Вып. 1848.

Декаденты: Люди в пейзаже эпохи / Василий Молодяков. — ЖЗЛ — 399[1] с.: ил. — Вып. 1855.

Сахаровский / Владимир Антонов, Валерий Прокофьев. — ЖЗЛ — 283[5] с.: ил. — Вып. 1843.

Георгий Даниеля / Евгений Новицкий. — ЖЗЛ — 271[1] с.: ил. — Вып. 1842.

Олег Попов: Невыдуманные истории из жизни «Солнечного клоуна» / Александр Калмыков. — ЖЗЛ — 245[11] с.: ил. — Вып. 1860.

Аллен Даллес / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. — ЖЗЛ — 367[1] с.: ил. — Вып. 1867.

Юрий Дроздов: Начальник нелегальной разведки / Александр Бондаренко. — ЖЗЛ — 391[9] с.: ил. — Вып. 1862.

Венедикт Ерофеев: Человек нездешний / Александр Сенкевич. — ЖЗЛ — 751[1] с.: ил. — Вып. 1863.

Олжас Сулейменов / Владимир Снегирев. — ЖЗЛ: Биография продолжается... — 488[8] с.: ил. — Вып. 42.

Легендарные разведчики-3 / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 347[5] с.: ил. — Вып. 1868.

Лесков: Прозванный гений / Майя Кучерская. — ЖЗЛ — 622[2] с.: ил. — Вып. 1865.

Пассажир с детьми. Юрий Гагарин до и после 27 марта 1968 года / Лев Данилкин. — 543[1] с.: ил.

Лесков: Прозванный гений / Майя Кучерская. — 622[2] с.: ил.

Великий князь Юрий Всеволодович / Алексей Карпов. — ЖЗЛ — 271[1] с.: ил. — Вып. 1872.

Астрид Линдгрен: Детство длиною в жизнь / Биргит Данкерт; пер. с нем. Т. Ф. Датченко. — ЖЗЛ — 207[1] с.: ил. — Вып. 1866.

Святополк-Мирский / Михаил Ефимов, Джеральд Смит. — ЖЗЛ — 702[2] с.: ил. — Вып. 1825.

Повседневная жизнь Большого театра от Федора Шаляпина до Майи Плисецкой / Александр Васкин. — Живая история: Повседневная жизнь человечества — 655[1] с.: ил.

Экзачеписты / Максим Артемьев. — ЖЗЛ — 376[8] с.: ил. — Вып. 1869.

Большой театр от Федора Шаляпина до Майи Плисецкой / Александр Васкин. — 655[1] с.: ил.

Советские силовики / Леонид Млечин. — ЖЗЛ — 429[3] с.: ил. — Вып. 1870.

Звезды немого кино: Ханжонков и другие / Марк Кушников. — ЖЗЛ — 252[4] с.: ил. — Вып. 1871.

Таир Мансуров / Святослав Рыбас. — ЖЗЛ: Биография продолжается... — 415[1] с.: ил. — Вып. 43.

Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Елена Романенко. — Живая история: Повседневная жизнь человечества — 2-е изд., испр. и доп. — 341[11] с.: ил.

Елена Феррари / Александр Куланов. — ЖЗЛ — 367[1] с.: ил. — Вып. 1874.

Игорь Сикорский: Четыре войны и две родины знаменитого авиаконструктора / Петр Образцов. — ЖЗЛ — 239[1] с.: ил. — Вып. 1875.

Коко Шанель / Виктория Балашова. — ЖЗЛ — 270[2] с.: ил. — Вып. 1873.

Высоцкий / Владимир Новиков. —

ЖЗЛ — 9-е изд., перераб. и доп. — 605[3] с.: ил. — Вып. 1864.

Императрица высокой моды. Коко Шанель / Виктория Балашова. — 270[2] с.: ил.

Высоцкий: Мне есть чем оправдаться перед Ним / Владимир Новиков. — 605[3] с.: ил.

Айвазовский / Екатерина Скоробогачева. — ЖЗЛ — 333[3] с.: ил. — Вып. 1878.

Литературные первопроходцы Дальнего Востока: Иван Гончаров, Антон Чехов, Владимир Арсеньев, Джек Лондон, Михаил Пришвин, Арсений Несмелов, Олег Куваев / Василий Авченко. — ЖЗЛ — 255[1] с.: ил. — Вып. 1881.

Рюриковичи / Дмитрий Володихин. — ЖЗЛ — 4-е изд. — 484[12] с.: ил. — Вып. 1850.

Федор Абрамов: Раненое сердце / Олег Трушин. — ЖЗЛ — 447[1] с.: ил. — Вып. 1876.

Айвазовский: Художник пяти императоров и одного искусства / Екатерина Скоробогачева. — 333[3] с.: ил.

Очарованные странники: Литературные первопроходцы Дальнего Востока / Василий Авченко. — 255[1] с.: ил.

Рюриковичи. Дом Рюрика: от Ладоги до Москвы / Дмитрий Володихин. — 484[12] с.: ил.

Склифосовский / Анна Ветлугина, Дмитрий Максименко. — ЖЗЛ — 254[2] с.: ил. — Вып. 1884.

Есенин: Обещая встречу впереди / Захар Прилепин. — ЖЗЛ — 2-е изд., испр. — 1027[13] с.: ил. — Вып. 1885.

Виталий Бианки / Виталий Бианки, Татьяна Федяева. — ЖЗЛ — 298[6] с.: ил. — Вып. 1880.

Борис Фирсов: Путь от Варшавского вокзала / Валерий Выхутович. — ЖЗЛ: Биография продолжается... — 351[1] с.: ил. — Вып. 44.

Врач без границ: Первая популярная биография великого хирурга / Анна Ветлугина, Дмитрий Максименко. — 254[2] с.: ил.

Есенин: Обещая встречу впереди / Захар Прилепин. — 2-е изд., испр. — 1027[13] с.: ил.

Егор Гайдар: Человек не отсюда / Андрей Колесников, Борис Минаев. — ЖЗЛ — 602[6] с.: ил. — Вып. 1877.

Лесков: Прозванный гений / Майя Кучерская. — ЖЗЛ — 2-е изд., испр. — 622[2] с.: ил. — Вып. 1890.

Валерий Фокин / Александр Чепуров. — ЖЗЛ: Биография продолжается... — 425[7] с.: ил. — Вып. 46.

Человек не отсюда: Егор Гайдар. Жизнь реформатора / Андрей Колесников, Борис Минаев. — 602[6] с.: ил.

Лесков: Прозванный гений / Майя Кучерская. — 2-е изд., испр. — 622[2] с.: ил.

Право на монолог: Театральные парадоксы Валерия Фокина / Александр Чепуров. — 425[7] с.: ил.

Никита Хрущев / Леонид Млечин. — ЖЗЛ — 524[4] с.: ил. — Вып. 1892.

Русский Голливуд: Выходцы из российского пространства и их потомки на «фабрике грез» / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. — ЖЗЛ — 463[1] с.: ил. — Вып. 1889.

Эдуард I / Вадим Устинов. — ЖЗЛ — 372[12] с.: ил. — Вып. 1882.

Легендарные разведчики-2 / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 414[2] с.: ил. — Вып. 1891.

Хрущев. Romanticus sovieticus / Леонид Млечин. — 524[4] с.: ил.

Другой Зоре: История Исины Ханако / Анна Делоне, Александр Куланов. — 344[8] с.: ил.

Книга и время. Судьба и проблемы книги глазами издателя / Валентин Юркин. — 431[1] с.: ил.

Александр Дейнека / Петр Черёмушкин. — ЖЗЛ — 351[1] с.: ил. — Вып. 1879.

Пришвин / Алексей Варламов. — ЖЗЛ — 3-е изд. — 548[12] с.: ил. — Вып. 1886.

Повседневная жизнь языческой Руси / Людмила Черная. — Живая история: Повседневная жизнь человечества — 249[7] с.: ил.

Дейнека: Романтик соцреализма / Петр Черёмушкин. — 351[1] с.: ил.

Охотник за счастьем / Алексей Варламов. — 548[12] с.: ил.

Языческая Русь / Людмила Черная. — 249[7] с.: ил.

Саров: Два подвига / Сергей Шаргунов. — 295[1] с.: ил.

Лев Копелев: Гуманист и гражданин мира / Райнхард Майер; пер. с нем. Т. Ф. Датченко. — ЖЗЛ — 301[3] с.: ил. — Вып. 1887.

Сергей Непобедимый / Валерий Петров. — ЖЗЛ — 266[6] с.: ил. — Вып. 1896.

Нил Сорский / Елена Романенко. — ЖЗЛ — 313[7] с.: ил. — Вып. 1894.

Пионеры Русской Америки / Наталья Петрова. — ЖЗЛ — 340[12] с.: ил. — Вып. 1893.

Режиссеры «Мосфильма» / Сергей Лаврентьев. — ЖЗЛ — 239[1] с.: ил. — Вып. 1883.

Даниил Андреев: Вестник другого дня / Борис Романов. — ЖЗЛ — 534[10] с.: ил. — Вып. 1897.

Кашенко / Анна Ветлугина, Дмитрий Максименко. — ЖЗЛ — 213[11] с.: ил. — Вып. 1895.

Лев Толстой: Свободный человек / Павел Басинский. — ЖЗЛ — 2-е изд. — 302[2] с.: ил. — Вып. 1900.

Легендарные разведчики-1. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Николай Долгополов. — ЖЗЛ — 8-е изд. — 367[1] с.: ил. — Вып. 1903.

На сквозняке Екклесиаста. Стихи. Новое. Избранное из двух веков / Геннадий Красников. — 351[1] с.: ил.

Святая Царская семья / Ирина Ордынская. — ЖЗЛ — 399[1] с.: ил. — Вып. 1902.

Хороший тон: Разговоры запросто, записанные Ириной Кленской / Михаил Пиотровский. — 409[7] с.: ил.

Розанов / Алексей Варламов. — ЖЗЛ — 501[11] с.: ил. — Вып. 1899.

Святая Царская семья / Ирина Ордынская. — 399[1] с.: ил.

Шахтерская дочь: Поэма / Анна Ревякина. — 80 с.: ил.

Имя Розанова / Алексей Варламов. — 501[11] с.: ил.

Редактор — Сергей Коростелев
 Дизайн — Дмитрий Карпов
 Верстка — Кирилл Забусик

Отпечатано в типографии ООО «Печатный Дом». Тел.: (495) 771-34-76

Наш адрес: 127055, Москва, ул. Суцеская, 19, стр. 5
 Издательство: 8 (495) 787-63-85 <http://gvardiya.ru>
 Отдел реализации: 8 (495) 787-64-53; 8 (495) 787-62-92
 Отдел рекламы: 8 (495) 787-63-87
 Интернет-магазин: 8 (495) 787-95-59
 Тираж 1000 экз.

